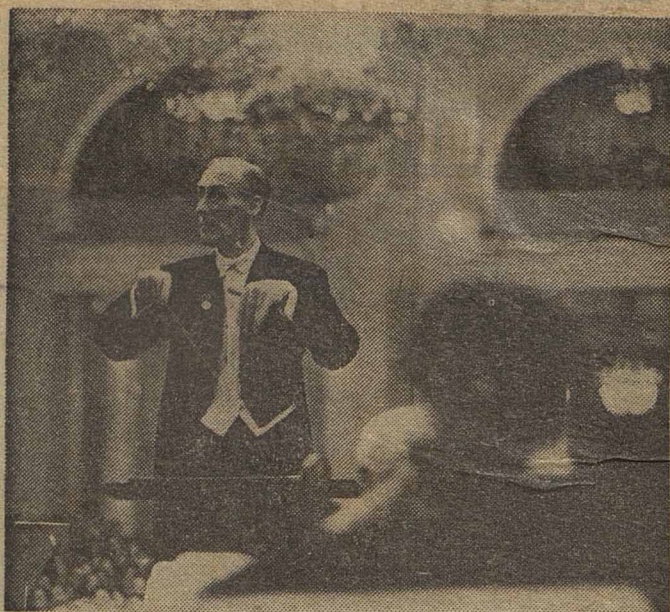

ПОД УПРАВЛЕНИЕМ МРАВИНСКОГО

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 ИЮНЯ,
1 ПРОГРАММА, 19.30;
1 «ЗС» — 16.00

И сейчас, спустя пять лет, мы вспоминаем этот подлинный пир музыки, показанный по телевидению, — цикл из четырех фильмов, созданных «Экраном» и посвященных произведениям мировой музыки. Четвертая симфония Бетховена, Четвертая Брамса, Пятая Чайковского и Пятая симфония Шостаковича. Исполнял их заслуженный коллектив республики Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского. Здесь все было чудесно: и музыка, которую можно было бы назвать «исторической» (и не потому, что она принадлежит и будет принадлежать истории, а потому, что именно она творит историю прекрасного), и исполнение ее блистательным коллективом музыкантов, и то, как эту музыку и это исполнение создатели фильма сумели приблизить к миллионам людей. Тогда мы впервые так близко — лицом к лицу — увидели Мравинского. До этого он очень редко фиксировал свою работу на киноленту (свойственные Мравинскому качества — аскетическая строгость и трезвость в отношении своих работ, творческая неудовлетворенность и неуспокоенность, пересмотр пройденного — всегда усложняли доступ к нему репортеров и кинооператоров); сохранились ленты, запечатлевшие всего два эпизода его работы — фрагмент исполнения в концерте финала Пятой симфонии Шостаковича и несколько минут репетиции Четвертой симфонии Брамса... А тут! В течение нескольких часов — Мравинский крупным планом: вот он на сцене — и по его эмоциям, пластике, мимике, как замечательно сказал об этом И. Андроников, зрительно воплощается «драматургия» симфонии; вот он за кулисами, в кресле, вспоминает, говорит о Чайковском,

говорит тонко, точно, сдержанно, но за сдержанностью Мравинского-человека нельзя не почувствовать трепетного преклонения Мравинского-музыканта перед музыкой, его очарованности ею, что на первый взгляд не согласуется с его строгой внешностью; вот он на репетиции — короткое исчерпывающе точное и логически обоснованное замечание, короткое объяснение, вернее, деликатное напоминание; и снова звучит такт за тактом музыка... И вот уже сверкающие люстры, слепящая белизна колонн, торжественная праздничность концерта, где Мравинский и его оркестр вдохновенно и внешне спокойно «работают музыку».

Многие после этих фильмов признавались, что так они не ощущали оркестр Мравинского даже в концертном зале, а иные (их немало) вдруг начали задумываться над сущностью этой непостижимой профессии дирижера. Писали хорошие письма, в которых поднимали проблемы восприятия музыки.

«Чем отличается один дирижер от другого? Разумеется, хороший от хорошего! Вопрос не ради праздного любопытства, не для сравнения, кто из лучших — лучше. Вопрос для того, чтобы и себе и другим объяснить: что есть искусство дирижера и что в этой работе главное! Я любитель музыки, сам я ленинградец, и Мравинский с его оркестром для меня не новость. Но именно эти телефильмы чем-то смущали меня. Раньше я думал: какая разница, кто за пультом — высокий, аскетичный, строгий, с «коротким взглядом», сдержанным жестом дирижер или с размашистым жестом, совсем нестрогий, с романтической, мечтательной внешностью! Не важно, кто, важно, как звучит музыка, какая она. Раздражал меня и вид инструментов, отвлекал интерьер зала и «шевеления», «покашливания» соседей-слушателей, да и сам

дирижер, обращенный к оркестру и тем самым показывающий, что он занят не с публикой, а с музыкантами... На экране телевизора я увидел оркестр и его дирижера Мравинского заново. Наслаждение исходило не только от чистой музыки, но и от тех, кто ее показывал. Евгений Князев, инженер-конструктор, Ленинград».

...В радиопередаче, приуроченной к 75-летию народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Е. А. Мравинского, вы не увидите дирижера, но услышите его работу, которую он делит со своими друзьями — музыкантами вот уже сорок лет (и это еще одна круглая его дата), а слушая, постарайтесь представить себе весь сложный предварительный этап репетиций, не менее важный, чем конечный результат, — публичный концерт или грамзапись; дни и ночи, отданные дирижером уединенному, почти научному изучению партитур (на репетициях не намечаются контуры истолкования, а уточняются только штрихи, только линии); еще представьте себе, как нелегко не погрешить против абсолютно го вкуса, эрудиции и воли вообще дирижеру и особенно такому, как Мравинский, творчество которого неотделимо от самой лучшей музыки разных эпох: от Баха, Гайдна, Моцарта и Бетховена до Брамса, Чайковского, Брукнера, Мусоргского, Вагнера, Стравинского, Скрябина, Сибелиуса, Бартока, Прокофьева и, конечно, неизменного в его репертуаре Шостаковича... И, наконец, слушая эту музыку в исполнении Мравинского, не забудьте об одном из убеждений дирижера: «Я не хозяин произведений, а всего лишь посредник между автором и слушателями».

В. ГУСАРОВ

Фото ТАСС